
МЁРТВЫЕ
НЕ СДАЮТ
ЭКЗАМЕНОВ
КИРА ЛЭНГ

Кира Лэнг
Мёртвые не сдают экзаменов

https://litres.ru/74815443
SelfPub; 2026

Аннотация

В колледже Святого Корвина пять домов, пять гербов и пять родов, которые веками решают, кому достанется магия. В Ночь Выбора на ладони каждого первокурсника проступает знак его дома. На ладони Норы Эшби не проступает ничего.

«Пустую» стипендиатку оставляют до зимнего солнцестояния — из милости. Но через две недели Нора находит в закрытом архиве мёртвого старшекурсника. В руке у него карта с гербом шестого дома, которого тридцать лет нет ни в одной книге. А на пороге стоит Кассиан Эсмонд — безупречный староста, наследник самого влиятельного рода и последний, с кем убитый ссорился.

Он уверен, что ей нужна защита. Она уверена, что он лжёт. Оба правы. И если они не найдут убийцу до самой длинной ночи года, следующим, кто сожмёт такую карту в мёртвых пальцах, станет кто-то из них.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ШЕСТАЯ КАРТА 4
Глава 1. Пустая 4
Глава 2. Колледж, который её не ждал 24
Глава 3. Архив 40
Глава 4. Подозреваемый номер один 54
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Мёртвые не сдают экзаменов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ШЕСТАЯ КАРТА

Глава 1. Пустая

Фуникулёр полз в гору так медленно, будто тоже сомневался, стоит ли меня туда везти.

Честно говоря, я его понимала. Я сомневалась всю дорогу: три дня поездом от Лисбурга, ночь на вокзальной скамейке в Арне, жёсткой, как совесть тёти Агнессы, и ещё два часа в почтовом дилижансе, где пахло мокрой шерстью и чужими апельсинами. Чужими — потому что мне никто не предложил.

В вагончике, кроме меня, сидели ещё четверо. Все в дорожных плащах из хорошего сукна, все с сундуками, на которых были выжжены гербы. Ворон. Змея. Лиса. Ключ. Они болтали вполголоса, как люди, которые знают друг друга с пелёнок, и ни разу не посмотрели в мою сторону. Мой чемодан был картонный, перетянутый ремнём, и герба на нём не было. Только наклейка вокзала в Арне, которую я так и не смогла отодрать. Отличный герб, кстати. Очень мне подхо-

дит: «Проездом».

Я прижалась лбом к холодному стеклу.

Внизу проплывали ели, чёрные от дождя, а туман в ущелье лежал такой густой, что казалось — под нами не земля, а молоко. И если сейчас лопнет трос, мы в него плюхнемся, как муха в кружку. Отличная мысль, Нора. Очень своевременная.

Наверху, на скале, вырастал Корвин.

Я видела его на картинке, приложенной к письму о стипендии: башенки, шпили, аккуратная стена. Картинка врала. На ней Корвин был похож на пряничный домик из витрины кондитерской. На самом деле он был огромный, тёмный и злой. Он не стоял на скале — он торчал из неё, как зуб, и в его узких окнах уже зажигался жёлтый свет. Над самой высокой башней кружили вороны.

Ну конечно. Конечно, вороны. Почему бы не голуби.

— Красиво, правда? Жутко, но красиво.

Я подпрыгнула. На скамейку напротив плюхнулась девчонка — я даже не заметила, откуда она взялась. Круглое лицо, веснушки, русые волосы, заколотые так кое-как, что одна шпилька торчала над ухом, как антенна. Плащ дорогой, но без одной пуговицы.

— Мила. — Она протянула руку. — Мила Тресс. Ты ведь тоже первый курс? У тебя такое лицо.

— Нора. Эшби. — Я пожала её ладонь. Пальцы были тёплые и в чернилах. — Какое — такое?

— Как будто тебя сейчас съедят. — Она улыбнулась. — Не бойся, не съедят. Ну, максимум надкусят. Эшби… — Она сморщила нос. — Не слышала. Ты из каких?

Вот он. Тот самый вопрос. Я репетировала ответ весь поезд, честное слово, раз сто, — и всё равно щёки вспыхнули, как будто меня поймали на списывании.

— Ни из каких. Я стипендиатка.

Четверо на соседних скамейках замолчали. Мне не надо было оборачиваться, чтобы почувствовать их взгляды: между лопатками будто положили холодную монетку.

— Стипендиатка, — повторила одна из девушек, та, что сидела у сундука со змеёй. Чёрные волосы до пояса, изумрудные серьги, голос, которым, наверное, очень удобно отказывать официантам. — Как трогательно. Нам каждый год присылают одну. Для разнообразия.

— Для статистики, — поправил парень рядом с ней, и они засмеялись.

Ха-ха. Очень смешно. Обхохочешься.

Мила закатила глаза так выразительно, что я чуть не прыснула.

— Не обращай внимания. — Мила даже не подумала понизить голос. — Это Селеста Лаварр. Она со всеми так. Я однажды видела, как она нахамила лошади.

— Лошадь первая начала, — не поворачивая головы, бросила Селеста.

Я отвернулась к окну и начала считать вороньи гнёзда на

башне. Это помогает. Правда. Когда считаешь, лицо перестаёт гореть, а глаза — щипать. Тётя Агнесса говорит, что я так с детства: считаю ступеньки, пуговицы, трещины на потолке, когда хочу провалиться сквозь землю. «Ты, Нора, когда-нибудь пересчитаешь весь мир, — вздыхает она. — И что ты тогда будешь делать?»

Не знаю. Наверное, придётся наконец смотреть людям в глаза. Ужас.

Семнадцать гнёзд. Фуникулёр дёрнулся и встал. Двери со скрежетом разъехались, и в вагон ворвался холодный воздух. Пахло ёлками, мокрым камнем и почему-то воском — как в церкви, когда все уже ушли.

Платформа была забита. Студенты в тёмных плащах с нашивками на воротниках, носильщики в серых куртках, сундуки, корзины и чья-то кошка, которая орала в плетёной переноске так, будто её везли на казнь. Над всем этим нависала каменная арка ворот, а на ней сидел ворон — тоже каменный, с растопыренными крыльями и таким живым взглядом, что я втянула голову в плечи.

— Это Корвус. — Мила проследила за моим взглядом. — Покровитель колледжа. Если он посмотрит на тебя на рассвете — завалишь экзамен. Сто процентов. Пошли, сейчас всех погонят в главный зал, а вещи потом принесут.

Она подхватила свой сундук — легко, как пустую коробку из-под шляпы, хотя я видела, как носильщики в Арне над ним кряхтели, — и нырнула в толпу. Я взялась за ручку че-

модана.

Ремень лопнул на третьем шаге.

Ну разумеется.

Чемодан грохнулся на камни, крышка отскочила, и наружу полезло всё моё богатство: шерстяные чулки, две блузки, учебник алгебры, жестянка с мятными леденцами. Зачем я взяла алгебру? ЗАЧЕМ? Я присела и стала торопливо запихивать всё обратно, и тут кто-то задел меня плечом. Не сильно. Но я сидела на корточках, так что качнулась и чуть не легла рядом с чулками.

Цепочка на шее зацепилась за пряжку оборванного ремня. Тоненький звон — и что-то покатилось по камням.

Медальон.

Нет-нет-нет-нет.

Я рванула за ним. Медальон катился на ребре, подпрыгивая на стыках брусчатки, — маленький, серебряный, потемневший, единственный, — и остановился у чьего-то сапога. Чёрного, начищенного так, что в нём, наверное, можно было причёсываться.

Владелец сапога наклонился и поднял его.

Он был высокий. Выше всех на платформе — или мне так показалось, потому что я всё ещё сидела на корточках. Тёмные волосы, бледное лицо, скулы, о которые можно порезаться, плащ из чёрного сукна, а на воротнике — серебряный вышитый ворон. Он держал мой медальон на раскрытой ладони и смотрел на него так, будто это была не дешёвая яр-

марочная побрякушка, а письмо на незнакомом языке.

А потом с ним что-то случилось.

Я не сразу поняла что. Он не пошевелился и ничего не сказал. Только зрачки у него вдруг расширились, почти съев серые глаза, а лицо стало совсем неподвижным, как будто он прислушивался к звуку, который слышал только он. Одна секунда. Две. Слишком долго, чтобы просто поднять чужую вещь.

— Это моё. — Получилось громко. Даже слишком.

Он моргнул. Взгляд прояснился и переполз на меня — медленно, сверху вниз: растрёпанные волосы, старый плащ, чемодан с чулками нараспашку. Я почувствовала себя трещиной на потолке, которую кто-то решил пересчитать. И не очень-то впечатлился.

— Ваше, — повторил он. Голос у него был ровный и прохладный, как стекло. — Вы стоите посреди прохода.

— Меня толкнули.

— Здесь не принято стоять посреди прохода, — продолжил он, как будто я вообще ничего не говорила. — Здесь многое не принято. Вам лучше выучить это побыстрее.

Серьёзно? Серьёзно?!

— А здесь принято извиняться, когда сшибаешь людей с ног? Или это тоже не принято?

Кто-то рядом хмыкнул. Парень с вороном чуть приподнял бровь — на волосок, не больше, — как будто удивился, что трещина на потолке умеет разговаривать.

— Я вас не сшибал. — Пауза. — Но если вам от этого легче…

Он протянул руку и разжал пальцы над моей ладонью. Медальон упал мне в руку, а его пальцы до моих даже не дотронулись. Он сделал это так аккуратно, будто я была заразная. От него пахло морозом и чем-то горьким, вроде пережаренных кофейных зёрен. Наверное, так пахнут люди, которым ни разу в жизни не приходилось извиняться.

— Застегните получше. Здесь легко терять вещи.

И ушёл. Толпа расступалась перед ним сама, без единого слова, как вода перед кораблём.

Я стояла и сжимала медальон в кулаке. Серебро было тёплым. Тёплым, как будто его долго держали в руке. Гораздо дольше, чем две секунды.

— Ты с ума сошла?! — Мила вынырнула откуда-то сбоку, схватила меня за локоть и рывком поставила на ноги. Глаза у неё были как два блюдца. — Ты хоть знаешь, кто это?

— Понятия не имею. Кто-то очень воспитанный.

— Кассиан Эсмонд. — Таким голосом объявляют королей. — Староста Эсмондов. Наследник. У него отец в попечительском совете, а дед был ректором. С ним так никто не разговаривает. Вообще никто, Нора.

— Значит, я буду первой. — Я сунула медальон в карман, подальше от порванной цепочки, и захлопнула чемодан. — Он невыносимый.

— Все так говорят. — Мила вздохнула и сунула мой че-

модан под мышку вместе со своим сундуком — как будто он ничего не весил. — А потом половина в него влюбляется.

— Я — нет.

— Все так говорят, — повторила Мила, и я пихнула её локтем. — Ай! Пошли давай, а то опоздаем на Выбор, и тогда нас точно надкусят.

* * *

Главный зал Корвина был похож на кита изнутри. Ну, если бы киты строились из камня и в них кто-то поставил столы. Над головой во тьму уходили дубовые рёбра потолка, вдоль стен горели сотни свечей, и огоньки почти не дрожали, хотя из высоких окон тянуло холодом. Через весь зал шли пять длинных столов, и над каждым висело знамя.

Чёрное с серебром — ворон.

Изумрудное — змея, свернувшаяся кольцом.

Бронзовое — ключ.

Рыжее, как осенний лес, — лиса.

Серое — волк, задравший морду к луне.

Я посчитала их, конечно. Я всё считаю. Пять знамён. А потом взгляд зацепился за стену над ними, и я посчитала ещё раз — уже не знамёна, а крюки, на которых они висели. Шесть здоровенных кованых крюков, вбитых в камень на одинаковом расстоянии. Пять заняты. Шестой, крайний справа, пустой.

— Мила, — шепнула я. — А почему там пустой крюк?

Она задрала голову и прищурилась.

— Где? А, этот. Не знаю. Он всегда был пустой. Говорят, для симметрии.

Пять знамён на шести крюках. Для симметрии. Я хотела сказать, что ничего несимметричнее в жизни не видела, но тут по залу ударил колокол, и все замолчали.

Первокурсников выстроили у стены. Нас было человек сорок, и все, кроме меня, стояли кучками, по фамилиям, как будто уже знали, куда попадут. Наверное, правда знали. Мила шепнула, что Выбор почти никогда не удивляет: Тресс рождаются у Тресс, Холлины у Холлинов. Бывает, кровь смешанная, и тогда карта выбирает сильную линию, но и это все обычно угадывают заранее. Ставки даже делают.

— А если… — начала я.

— Если что?

Если в тебе вообще нет никакой линии. Если твоя мама была швеёй из Лисбурга, а отца ты никогда не видела. Если тётя Агнесса до сих пор не понимает, как тебе вообще пришло письмо из Корвина, а ты понимаешь ещё меньше. Если все сорок человек у этой стены знают, кто они такие, а ты — нет.

— Ничего, — соврала я.

На помосте в конце зала стоял ректор — высоченный старик с серебряной бородой, такой прямой, будто его выпилили из той же скалы, что и колледж. Рядом с ним на каменном постаменте лежала колода.

Я думала, будет что-нибудь пафосное. Хрустальный шар

там. Огненная чаша. А это была просто колода карт. Старая, толстая, с тёмными краями, которые, наверное, когда-то были золотыми. Она лежала на чёрном бархате рубашкой вверх и выглядела так обыкновенно, что от этого становилось только страшнее.

— Студенты Корвина! — Голос ректора легко долетел до самого потолка. — Меня зовут Октавиан Грейвз, и двадцать лет я имею честь смотреть, как эта колода говорит правду. Она не ошибается. Она не льстит. Она не слушает просьб. Положите ладонь — и кровь ответит сама. Начнём.

Он развернул длинный свиток.

— Агата Бренн.

Худенькая девочка в очках подошла к помосту, положила ладонь на колоду — и верхняя карта вдруг перевернулась сама, как будто её подкинуло ветром. На карте был рыжий лис. Ладонь девочки тут же засветилась медным светом, и когда она подняла руку, на коже темнел знак — силуэт лисьей морды. Стол Мэйбруков взорвался аплодисментами.

Дальше пошло быстрее. Карта переворачивалась — ворон, змея, волк, опять змея, — ладонь вспыхивала, стол хлопал, новичок шёл к своим, и кто-то двигался на скамейке, освобождая ему место. Я смотрела, как ребята, которые пять минут назад стояли рядом со мной у стены, садятся за столы и становятся частью чего-то. Герба, цвета, истории. Становятся своими.

А я стояла и считала свечи. Сорок две на правой стене.

Сорок одна на левой. Кто-то, видимо, сэкономил.

— Мила Тресс.

Мила стиснула мне руку, шумно выдохнула и пошла к помосту, по дороге чуть не потеряв шпильку. Карта перевернулась мгновенно, Мила даже толком дотронуться не успела: бронзовый ключ. Ладонь вспыхнула так ярко, что первые ряды зажмурились. Стол Тресс заорал, Мила взвизгнула, обернулась ко мне и показала два больших пальца, прежде чем её утащили на скамейку.

И я осталась у стены одна.

Ну то есть не одна, там ещё стояли человек пять. Потом трое. Потом один мальчик с волчьими бровями. Потом никого. Буква за буквой ректор полз к концу алфавита, и я вдруг поняла, что буду последней. Не потому что «Эшби» — это так уж далеко по алфавиту. А потому что меня вписали в этот свиток позже всех. Как приписку на полях.

— Нора Эшби.

Тишина была другая. Не как перед остальными — с ожиданием, с любопытством. Это была тишина, в которой все уже знали, кто я такая. Слухи в Корвине, видимо, бегали быстрее, чем фуникулёр ползал в гору.

Я пошла к помосту. Двадцать шесть шагов. Я посчитала, само собой.

На двенадцатом я увидела стол преподавателей. Человек двадцать взрослых в мантиях, и почти все смотрели на меня с вежливой скукой, как на дождь за окном. Кроме одного.

Молодой мужчина с краю, в тёмно-сером сюртуке и серых перчатках — единственный в перчатках за ужином, — сидел, подавшись вперёд, и смотрел на меня так внимательно, будто я была задачей на доске, которую он давно хотел решить. Над его плечом о стеклянный колпак лампы бился мотылёк, а он даже не пытался его отогнать.

На двадцатом шаге я увидела стол Эсмондов. Кассиан сидел посередине, прямой, как линейка, руки на скатерти. На меня он не смотрел. Он смотрел на колоду.

Двадцать шесть.

Ректор кивнул на постамент. Вблизи было видно, что бархат под колодой протёрт до ниток, а по краям карт бегут мелкие выцветшие буковки.

Я положила ладонь на колоду.

Карты были холодные. Не прохладные, как бумага в нетопленой комнате, а ледяные — как железные перила зимой, когда тебя на спор заставили их лизнуть. Мне было семь, я проиграла, и лучше об этом не вспоминать. Холод вцепился в пальцы и пополз вверх, к запястью, к локтю, заполняя руку изнутри, как вода заполняет рукав, если неосторожно сунуть его в ведро. Во рту появился привкус железа. Будто я лизнула не перила, а ржавый ключ.

Я чуть не отдёрнула руку. Краем глаза я увидела, как пламя ближайших свечей пригнулось — все разом, будто на них кто-то дунул, — и две самые близкие погасли, пустив вверх тоненькие хвостики дыма.

Верхняя карта не шевельнулась.

Я ждала. Тишина стала такой густой, что я слышала, как где-то в конце зала кто-то сглотнул. Ничего. Ни ветра, ни света. Колода лежала у меня под ладонью — неподвижная, ледяная, — и мне вдруг показалось — глупость, конечно, полная глупость, — что она не молчит. Что она затаила дыхание. Как человек, который прячется в шкафу и боится, что его найдут.

Ректор чуть наклонился ко мне.

— Ещё раз. Уберите руку и положите снова.

Я убрала. Положила. Холод. Тишина. Погасла ещё одна свеча.

Я подняла ладонь к свету и посмотрела. Обычная ладонь. Линии, мозоль от ручки на среднем пальце, царапина от чемоданного ремня. Ни знака, ни следа, ни даже самого слабенького отсвета.

Пустая.

Вслух этого никто не сказал — и сказали все. Слово побежало по залу шорохом, от стола к столу, как сквозняк по сухим листьям: пустая, пустая, пустая. Кто-то за столом Лаварр хихикнул. Я узнала этот смешок, даже не оборачиваясь. Ну кто бы сомневался.

Ректор Грейвз смотрел на мою руку очень долго. Лицо у него было каменное, но я заметила, что пальцы, которыми он держался за край постамента, побелели.

— Бывает, — произнёс он наконец, обращаясь уже не ко

мне, а к залу, — что кровь говорит поздно. Редко, но бывает. Колледж Святого Корвина держит слово, данное стипендиату. Мисс Эшби останется с нами до зимнего солнцестояния. Если к тому времени дар не проснётся…

Он не договорил. И не надо было. Все и так поняли, чем заканчивается это предложение. Мной на платформе фуникулёра с картонным чемоданом. Билет в одну сторону.

— Можете сесть, мисс Эшби.

Сесть. Ага. Куда? Пять столов, пять знамён, и ни на одной скамейке для меня не было места. Я стояла у помоста, и с каждой секундой становилось хуже, потому что все смотрели, а я не знала, куда идти, и чувствовала, как к глазам подступает горячее и предательское.

Только не здесь. Только не при них. Нора Эшби, если ты сейчас разревёшься, я тебя сама в пропасть столкну.

Я начала считать свечи на ближайшем подсвечнике. Одна, две, три…

— Нора! — Мила вскочила на скамейку — прямо ногами, в ботинках — и замахала руками, как на пожаре. — Нора, сюда!

— Тресс, сядь немедленно, — зашипела на неё старшекурсница с бронзовой нашивкой старосты. — Она не наша. Ей не положено…

— А куда ей положено? На пол?

Кто-то засмеялся уже в голос. Я сделала шаг — не знаю куда, просто чтобы не стоять столбом, — и вдруг рядом со

мной оказался стул.

Самый обычный деревянный стул с высокой спинкой. Его держал тот самый преподаватель в серых перчатках. Вблизи он оказался моложе остальных — едва ли за сорок, — с усталыми светлыми глазами и мягкой, чуть виноватой улыбкой. Пахло от него табаком, старой бумагой и немного воском, как от церковной свечи, которую только что задули.

— Адриан Сейр. Куратор первого курса. А значит, и ваш тоже, мисс Эшби, какого бы цвета ни была ваша ладонь. Позволите?

Он отнёс стул к краю стола Тресс, поставил рядом с Милой и отодвинул для меня, как будто ничего естественнее на свете не было. Староста Тресс открыла рот. И закрыла.

— Профессор, — пробормотала я, садясь, — спасибо, но вы не должны были…

Он наклонился, и следующие слова услышала только я:

— Пустота — тоже ответ, мисс Эшби. Просто иногда вопрос задают неправильно.

И ушёл обратно к преподавателям, на ходу поправляя перчатку.

Мила тут же навалилась на меня плечом.

— Всё, — прошептала она мне в ухо. — Ты официально самая интересная первокурсница за десять лет. Ешь пирог. Он с ревенем.

Я взяла пирог. Наверное, он был вкусный, но я не чувствовала вкуса. Я смотрела на свою руку на скатерти — пустую,

ничью — и думала, что до зимнего солнцестояния осталось сто одиннадцать дней.

Я посчитала. Естественно.

Потом я подняла глаза — и наткнулась на Кассиана Эсмонда.

Он смотрел на меня через весь зал. Не насмешливо, как Селеста. Не с жалостью, как половина преподавателей. Он смотрел так, словно я была замком, к которому он подбирал ключи, и пока не подошёл ни один.

Наши взгляды встретились. Я не отвела глаза. Из принципа. Из чистого упрямства, честное слово, хотя уши у меня горели так, что ими можно было разжигать камин.

И он отвёл первым.

Один — ноль, Эсмонд.

* * *

Спальни дома Тресс были в Северной башне, на трёх нижних этажах. Комендантша, маленькая сухая женщина с огромной связкой ключей на поясе, долго листала свою книгу, хмурилась, бормотала что-то про «непредусмотренные случаи» — то есть про меня, — а потом повела меня наверх. Мимо спален Тресс, откуда доносились визг и хохот. Мимо площадки, где кто-то уже развесил гирлянду из бронзовых бумажных ключиков. Выше, выше, по винтовой лестнице, где ступеньки становились всё уже, а стены — всё холоднее.

Сто сорок восемь ступенек. Каждое утро. Прекрасно. К зиме у меня будут ноги как у почтовой лошади.

Комендантша отперла низкую дверь под самой крышей.

— Вот. Раньше тут была бельевая. Камин топится, если не ленится. Умывальня этажом ниже, у Тресс. Завтрак в восемь.

Она сунула мне в руку ключ — тяжёлый, железный, холодный — и ушла, не попрощавшись.

— Зато мы соседки! — Мила втащила следом мой несчастный чемодан. Она запыхалась, но сияла. — Я прямо под тобой. Если что — стучи в пол. Три раза — «мне страшно», два — «у тебя есть печенье?».

— А один?

— Один — «Мила, заткнись, я сплю». Но тебе не понадобится, я тихая. — Она огляделась. — Ну… уютненько.

Это было враньё, и мы обе это знали. Комната была круглая, крошечная, с косым потолком, под которым выпрямиться можно было только в самом центре. Узкая кровать, стол, стул, сундук для одежды, камин размером с хлебную печку. И окно — одно, высокое, стрельчатое, на запад.

Я подошла к нему.

Отсюда, с самой верхотуры, был виден почти весь Корвин: крыши, дворики, галереи с фонарями, тёмная полоска стены, а за ней — пропасть. А прямо напротив, через узкий двор, тянулось крыло, в котором не горело ни одного окна.

Оно было не просто тёмное. Оно было чёрное. Камни, рамы, остатки крыши, торчащие в небо, как рёбра. Даже в сумерках было видно, что когда-то здесь прошёл огонь — сверху донизу. Над провалом одного окна кружилась стайка мел-

ких бледных точек. Сначала я подумала — снег. Но для снега было рановато. Сентябрь вообще-то.

— Что это? — спросила я.

Мила подошла и встала рядом. И вдруг перестала улыбаться. Совсем.

— Западное крыло. Туда нельзя. Там был пожар, давно, ещё до наших родителей. Двери заперты, и Тресс их запечатали, даже я не открою. Говорят, по ночам там…

Она осеклась.

— Что? Что говорят?

— Ничего не говорят. — Мила отвернулась от окна и решительно задёрнула штору — пыльную, бархатную, когда-то, наверное, синюю. — Ерунду говорят. Спи. Завтра первая лекция у Сейра, он лапочка, потом алхимия, а там, говорят, можно взорваться в первую же неделю. Так что выспись. На всякий случай.

Она обняла меня — неожиданно, крепко, от неё пахло чернилами и ревеневым пирогом — и умчалась вниз, топоча по ступенькам, как маленький слон.

Я осталась одна.

Камин и правда не ленился: дрова были уже сложены, и с третьей спички они занялись. Я разобрала чемодан, развесила две блузки — весь мой гардероб, между прочим, — сложила чулки. Поставила на стол единственную фотографию — маму, молодую, смеющуюся, в летней шляпе, которую она придерживала рукой от ветра. Тётя говорит, что я на неё по-

хожа. Я не знаю. Я не помню. Мне было пять, когда мамы не стало, и от неё у меня остались только эта фотография, медальон и колыбельная без слов. Одна мелодия.

Я достала медальон из кармана. Серебряный кругляшок размером с пуговицу, на крышке выгравирован мотылёк с раскрытыми крыльями. Он не открывается. В детстве я ковыряла его ногтем, шпилькой, ножом для писем — без толку. Тётя сказала, что его, наверное, запаяли. Я связала порванную цепочку узелком и снова надела на шею.

Серебро было холодным. Совсем не таким, как там, на платформе. После того как его подержал этот невыносимый Эсмонд.

Ну и что. Подумаешь. Руки у него, наверное, горячие. Вот и всё. Ничего это не значит.

«Мотыльки летят на свет, — говорила мама. Это я почему-то помнила. Её голос — низкий, тёплый, у самого уха, в темноте. — Не потому что глупые, Нора. Они ищут луну. Просто иногда путают её с огнём».

Я помотала головой, чтобы это прогнать — не хватало ещё разреветься сейчас, когда я так героически продержалась весь вечер, — и откинула покрывало.

На подушке лежал мотылёк.

Мёртвый, засушенный, с аккуратно расправленными крыльями. Серыми, с тёмным узором, похожим на два открытых глаза. Он лежал ровно посередине наволочки, как будто его положили туда пинцетом.

Я стояла и смотрела на него. А тяжёлый железный ключ — единственный ключ от этой комнаты — оттягивал мне карман.

Когда я поднялась сюда, дверь была заперта.

Глава 2. Колледж, который её не ждал

Я не спала почти всю ночь.

То есть сначала я, конечно, сделала всё как положено разумному человеку. Проверила окно: заперто изнутри, и до земли, между прочим, метров сорок. Проверила камин: в трубу пролезет разве что кошка, и то очень худая. Заглянула под кровать, в сундук и даже за штору. Никого. Потом я взяла мотылька за краешек крыла — очень аккуратно, двумя пальцами, как будто он мог укусить, — положила его в пустой спичечный коробок и сунула коробок в ящик стола.

А потом легла, накрылась одеялом с головой и до рассвета слушала, как башня скрипит.

Башни, оказывается, скрипят. Постоянно. Как старые деды, у которых ноют колени. Каждый раз, когда скрипело, я думала: это ступеньки. Это кто-то идёт. Это тот, у кого есть второй ключ. И каждый раз оказывалось, что это просто ветер, или балка, или моё собственное сердце, которое колотилось так громко, что его, наверное, было слышно в спальнях Тресс.

К утру я придумала двенадцать объяснений. Одиннадцать были глупыми. Двенадцатое звучало так: это шутка. Злая шутка для пустой стипендиатки. Кто-то из старших курсов

взял запасной ключ у комендантши, пробрался наверх, пока все были на ужине, и подложил мне дохлого мотылька. Ха-ха. Добро пожаловать в Корвин.

К рассвету у меня ныла шея, а в висках стучало так, будто кто-то изнутри пытался открыть мне голову чужим ключом и всё никак не мог подобрать нужный.

Я очень старалась поверить в шутку.

— Ты выглядишь ужасно, — радостно сообщила Мила, когда я спустилась в умывальню. Она стояла перед зеркалом с зубной щёткой во рту и пыталась одной рукой заколоть волосы. — Прямо как привидение. Тебе идёт, кстати. Очень по-корвински.

— Спасибо.

— Не за что. Что случилось? Камин дымил? Он дымит, я тебе забыла сказать, если ветер с запада…

Я огляделась. В умывальне было ещё человек пять, все из Тресс, все сонные и все — я была уверена — с ушами на макушке. Я наклонилась к Миле поближе.

— Можешь подняться ко мне? На минутку. Мне надо, чтобы ты посмотрела на одну дверь.

***

Мила стояла перед моей дверью уже минуты три. Сначала она просто держала ладонь на замке, закрыв глаза. Потом прижалась к скважине ухом. Потом лизнула палец и потрогала им железную накладку — я решила не спрашивать.

— Ну? — не выдержала я.

— Тише. Я слушаю.

— Что ты слушаешь? Это замок.

— Вот именно. — Она открыла один глаз и посмотрела на меня так, как смотрят на маленьких детей, которые не знают, что огонь горячий. — Нора, я Тресс. Двери — это наше. Каждый замок помнит, кто его открывал. Не по-настоящему помнит, конечно, у него же нет мозгов. Но остаётся… ну, как отпечаток. Тёплое пятно. Как от ладони на стекле.

Она снова закрыла глаза.

— Вот комендантша. — Мила говорила медленно, будто читала по слогам. — Мадам Корр. Она жёсткая, как сухарь, и пахнет нафталином. Её я чувствую. Вот ты. Ты…

Она нахмурилась.

— Что я?

— Странная ты. — Мила потёрла лоб. — Ты как будто есть, а как будто тебя нет. Как холодное пятно. Ладно, это неважно, может, ты просто нервничаешь. Вот я сама — это мы утром. И…

Она замолчала. Надолго. Потом убрала ладонь с замка и отступила на шаг.

— И больше никого.

— Как это никого?

— Так. Никого. — Мила посмотрела на меня, и веснушки на её лице вдруг стали очень заметными, как будто она побледнела. — Ну то есть… Кто-то открывал, это точно. Замок помнит, что его поворачивали. Три раза. Комендантша,

ты — и ещё один раз. Но на этом третьем разе ничего нет. Ни тепла, ни запаха, ни отпечатка. Пусто. Как будто дверь открыла…

Она не договорила. Но я поняла. Я была не такая дура, хоть и стипендиатка.

Как будто дверь открыла пустота.

Как будто дверь открыла я.

— Слушай, — затараторила Мила, — это ерунда. Наверняка кто-то из старших. Есть всякие амулеты, которые стирают следы. Мэйбруки их обожают, они вообще такие, вечно подшучивают над первокурсниками. А что тебе подложили-то?

Я вытащила из ящика спичечный коробок и открыла. Мила посмотрела на мотылька. Мотылёк посмотрел на Милу своими нарисованными глазами на крыльях.

Мила сморщилась.

— Фу. То есть красиво. Но фу. Знаешь что? Выкинь его. Если показать, что тебя это задело, они будут подкладывать каждый день. Мой брат так три года находил лягушек в ботинках. Потому что орал.

Я закрыла коробок.

Выкинуть было бы правильно. Выкинуть было бы разумно. Я положила коробок в карман.

***

Первая лекция в Корвине называлась «Основы теории магии» и проходила в аудитории, похожей на перевёрнутую

чашку: круглые ряды скамеек уходили вниз, к кафедре и огромной чёрной доске. Солнце било в высокие окна, пылинки плясали в лучах, и после бессонной ночи мне всё время казалось, что пылинки — это мотыльки.

Отличное начало учебного года, Нора. Просто прекрасное.

Профессор Сейр вошёл ровно с ударом колокола. Он был в том же тёмно-сером сюртуке, что и вчера, и в тех же серых перчатках. Он положил на кафедру стопку книг, поставил рядом лампу с зелёным абажуром и зажёг её, хотя в аудитории было светло, как в полдень.

— Доброе утро. Меня зовут Адриан Сейр, и следующие четыре года я буду рассказывать вам, почему магия работает. А вы будете меня ненавидеть, потому что на этом курсе нельзя колдовать. Можно только думать. Это гораздо утомительнее.

По рядам прошёл смешок. Сейр улыбнулся, и в уголках его глаз собрались морщинки.

— Начнём с вопроса. Что такое магия?

Руки поднялись почти у всех. Мила подняла обе. Я — ни одной. Что я знала про магию? Что её нет у меня. Вот, собственно, и всё моё образование.

Ответы посыпались один за другим: сила, дар крови, энергия, наследие. Мальчик из Холлинов ляпнул «то, чем можно двинуть в челюсть», и все заржали. Сейр кивал, записывал мелом на доске по слову и ни с кем не спорил. Когда доска

заполнилась наполовину, он отложил мел.

— Все вы правы. — Он обвёл нас взглядом. — И все неправы. Магия — это не сила. Это разговор. Мир задаёт вопрос, а кровь отвечает. Мэйбрук отвечает миру обманом, Тресс — запертой дверью, Холлин — ударом, Лаварр — лекарством или ядом. Эсмонд — памятью. — Он помолчал. — Пять домов, пять ответов. Запишите это, мисс Тресс, а то вы так киваете, что у меня кружится голова.

Мила покраснела и схватилась за перо.

Я записала тоже. Пять домов, пять ответов. Потом подумала про шестой крюк на стене главного зала и дописала на полях маленький вопросительный знак.

— Ваш знак, — продолжал Сейр, — то, что колода показала вам вчера, — это не клеймо. Это язык, на котором вы теперь будете разговаривать. Давайте попробуем. Пусть кто-нибудь опишет мне, что он почувствовал, когда карта перевернулась. Мисс Бренн?

Агата Бренн, та самая девочка-лиса в очках, начала что-то говорить про тепло и щекотку в пальцах. Я слушала вполуха. Я смотрела на лампу на кафедре.

Вокруг зелёного абажура кружились мотыльки.

Три. Нет, четыре. Маленькие, бледные, совсем не такие, как тот, у меня в кармане. Откуда они взялись днём, при солнце? Они бились о стекло, мягко, почти неслышно, а Сейр стоял к ним вплотную и не обращал на них никакого внимания. Как будто привык.

— …Мисс Эшби?

Я вздрогнула. Вся аудитория смотрела на меня. Опять. Наверное, это теперь моё главное занятие в Корвине: быть тем, на кого все смотрят.

— Простите, профессор?

— Я спросил, что почувствовали вы. — Голос у Сейра был мягкий. — Вчера, у колоды.

С верхнего ряда донёсся голос — гладкий, ленивый, с изумрудными интонациями. Я даже не стала оборачиваться.

— Профессор, ну что ей описывать? У неё и описывать-то нечего.

Селеста. Второй курс, между прочим. Что второй курс делал на вводной лекции для первокурсников? Ждал, видимо, возможности меня цапнуть. Как змея под камнем.

Сейр даже не поднял голоса.

— Мисс Лаварр, вы здесь отрабатываете прошлогодний незачёт, если я правильно помню. Не советую увеличивать его до двух. Мисс Эшби?

Я сглотнула.

— Холод. — Я почувствовала холод. Как будто… как будто колода испугалась.

Тишина. Кто-то хихикнул, но неуверенно, и тут же замолк.

Сейр смотрел на меня. Странно смотрел. Не так, как остальные преподаватели вчера, не с жалостью и не со скукой. Будто я сказала что-то, чего он очень давно ждал, и он

боялся спугнуть.

— Испугалась, — повторил он тихо. — Интересное слово. Запомните его, мисс Эшби.

И отвернулся к доске.

— Говорят, — зашептала мне Мила, когда Сейр начал чертить мелом какую-то схему из кругов и стрелок, — он ни разу не колдовал на лекциях. Ни разу за десять лет. Только мел и доска. Кто-то думает, что он такой умный, что ему скучно. А кто-то — что у него дар совсем слабенький, поэтому он и пошёл в теоретики.

— А перчатки?

— Не знаю. Он их никогда не снимает.

На задней скамье парень из Мэйбруков, рыжий и весь в веснушках, как Мила, только раза в два наглее, поднял руку.

— Профессор, а почему вы в перчатках? Это для красоты или правда что-то страшное?

По рядам снова прошёл смешок. Сейр, не оборачиваясь, дописал последнюю стрелку и положил мел.

— Старый ожог, мистер Мэйбрук. Ничего интересного. Но раз уж вам так любопытны чужие руки, к следующему занятию напишите мне три страницы о том, как ожоги влияют на проводимость магии через кожу. Я с удовольствием почитаю.

Рыжий застонал. Аудитория засмеялась уже по-настоящему. А я смотрела, как Сейр поправляет перчатку на левой руке — медленно, осторожно, так, как трогают что-то, что

до сих пор болит.

***

Обед был в главном зале, и я вошла туда с твёрдым намерением съесть суп быстро, незаметно и, по возможности, не привлекая внимания. Стул, который вчера принёс Сейр, так и стоял у торца стола Тресс — кто-то его даже не убрал. Наверное, потому что брезговал.

До стула я не дошла.

Это было очень красиво сделано. Я потом даже почти восхищалась, когда немного остыла. Я шла по проходу между столами Лаварр и Мэйбруков с тарелкой супа в руках, и тут кто-то выставил ногу — не резко, не грубо, просто одна изящная туфелька с изумрудной пряжкой вдруг оказалась там, где за секунду до этого её не было.

Я споткнулась. Суп — нет. Суп полетел дальше без меня и приземлился на мою же блузку. Одну из двух. Весь мой гардероб, напомню.

За столом Лаварр раздался дружный вздох. Такой фальшиво-сочувственный, каким вздыхают на похоронах дальних родственников.

— Ой. — Селеста прижала ладонь к груди. — Какая неловкость. Ты в порядке? Тебе, наверное, тяжело ходить с непривычки по таким полам. У вас в… где ты там жила? Наверное, полы были земляные?

Её подружки захихикали.

Я стояла с пустой тарелкой и капустой на груди. Блузка

прилипала к коже, горячая и мокрая. Я чувствовала, как весь зал опять смотрит на меня, и у меня внутри что-то щёлкнуло — так щёлкает замок, когда в нём поворачивается ключ.

— Деревянные. Полы. Деревянные. А у вас, видимо, гладкие, раз ты так хорошо научилась по ним ноги выставлять. Долго тренировалась? Или это врождённое, как у змей?

Хихиканье за столом Лаварр оборвалось. Стол Мэйбруков, наоборот, захохотал — Мэйбруки, как я потом узнала, радуются любой ссоре, лишь бы не их. Селеста медленно подняла на меня глаза. Зелёные, как бутылочное стекло, и примерно такие же тёплые. Пахло от неё ирисом и деньгами.

Она даже не повысила голос. Наоборот — заговорила очень тихо и очень ласково:

— Осторожнее, Эшби. Пустые до зимы обычно не доживают.

Я не нашлась, что ответить. Пока я искала, она уже отвернулась к подружкам и заговорила о новых перчатках из Арны, как будто меня здесь никогда не было.

Я ушла переодеваться, не пообедав. Мила побежала за мной с куском хлеба и, пока я сто сорок восемь ступенек поднималась к себе, всю дорогу ругала Селесту такими словами, каких я в жизни не слышала от девочки из приличного дома.

Это немного помогло.

***

По условиям стипендии я должна была работать. Десять

часов в неделю — «на благо колледжа», как было написано в письме. Я думала, что меня отправят мыть полы или чистить котлы в алхимической лаборатории. Но в расписании, которое мне выдала мадам Корр, стояло: «Архив. Профессор И. Холт. Пн, ср, пт — с 16 до 19». И ниже, от руки: «Первый раз — 2 сентября, ознакомительно».

Архив Корвина находился в подвале под библиотекой. Чтобы туда попасть, надо было пройти через весь читальный зал, где старшекурсники сидели над книгами так неподвижно, будто их забыли там с прошлого века, потом спуститься по узкой лестнице, пройти по коридору со сводчатым потолком и постучать в дверь, обитую железом.

Я постучала.

— Открыто, — донеслось изнутри. Голос был сухой, как бумага.

Профессор Ирен Холт оказалась женщиной лет пятидесяти, худой, высокой и колючей, с седыми волосами, стянутыми в такой тугой пучок, что от одного взгляда на него у меня заболела голова. Она сидела за огромным столом, заваленным папками, и что-то писала, не поднимая глаз. Пахло от неё сухой бумагой и лавандовым мылом — так пахнут шкафы, в которых давно никто ничего не ищет.

— Эшби. Стипендиатка. Пустая.

— Да, профессор.

— Правила простые. — Она всё ещё не смотрела на меня. — Ничего не выносить. Ничего не читать без разрешения.

Ничего не трогать в дальних секциях — за решёткой. Огонь только в закрытых лампах. Опоздаешь дважды — вылетишь. Испортишь хоть один документ — вылетишь. Вопросы?

— Нет, профессор.

— Хорошо.

Она наконец подняла голову.

И замерла.

Перо в её руке остановилось, и с кончика на бумагу упала большая чёрная клякса. Профессор Холт смотрела на меня так, будто я была кем-то другим. Будто за моей спиной стоял призрак, и она видела его, а я нет. Я даже оглянулась, честное слово. Сзади была только дверь.

— Профессор?..

— Ничего. — Она моргнула. Посмотрела на кляксу, будто не понимая, откуда та взялась. — Ничего. Ты… на кого-то похожа. Мне показалось.

— На кого?

— Не помню. — Это прозвучало резко, почти зло, как будто она рассердилась сама на себя. И это было так странно — произнести «не помню» таким тоном, словно у неё что-то украли. — Не помню. Неважно. Мэйбрук! — крикнула она в глубину архива. — Покажи новенькой, что к чему. И не болтай.

Из-за стеллажей вынырнул парень.

Он был высокий и худой, с рыжеватыми волосами, такими же взлохмаченными, как у Милы, и в очках с тонкой опра-

вой, которые он то и дело поправлял пальцем. Пальцы, кстати, были все в чернилах — по-моему, в Корвине это была мода. На воротнике у него была вышита лиса, а сам он пах чернилами и мелом, как классная доска после последнего урока.

Он протянул руку.

— Лукас. Лукас Мэйбрук. Четвёртый курс. Добро пожаловать в самое скучное место в колледже. Зато здесь тихо, и Селеста Лаварр сюда не ходит. Я слышал про суп, — добавил он, заметив, как я дёрнулась. — Мне жаль.

— Все уже слышали про суп?

— Нора, это Корвин. — Он грустно улыбнулся. — Здесь все всё слышали ещё до того, как это случилось.

Лукас оказался хорошим. Это было понятно сразу, как бывает понятно, что вода в реке тёплая, ещё до того, как сунешь руку. Он показал мне каталоги, научил, как пишутся карточки выдачи, как правильно держать старые книги — снизу, двумя руками, как котёнка, — и где стоит чайник, который профессор Холт «официально запрещает, но неофициально очень любит». Он говорил быстро, немного сбивчиво, и всё время поправлял очки. И всё время, когда думал, что я не вижу, оглядывался на решётку в конце архива.

Решётка была старая, кованая, от пола до потолка. За ней уходили в темноту стеллажи. Над решёткой висела табличка: «Особое хранение. Только с разрешения ректора».

— А что там? — спросила я.

— Ничего интересного, — слишком быстро ответил Лу-

кас. — Старые реестры. Протоколы советов. Пыль. Тебе туда точно не надо. Мне, честно говоря, тоже.

Он опять поправил очки.

Мы разбирали ящик с возвращёнными книгами, когда это случилось. Я вытащила из кармана записную книжку, чтобы записать шифры, и из неё выпал спичечный коробок. Я и забыла, что сунула его туда. Коробок упал на стол, крышка отъехала, и наружу показалось серое крыло с нарисованным глазом.

Лукас перестал дышать.

Я это прямо услышала — как он вдохнул и не выдохнул. Он смотрел на мотылька. Лицо у него стало белым, как бумага, на которой мы писали карточки, и веснушки на этом белом выступили, как брызги чернил.

— Где ты это взяла? — спросил он очень тихо.

— Мне подкинули. Вчера. На подушку. Мила говорит, это шутка Мэйбруков, вы такое любите…

— Это не Мэйбруки. — Он быстро, почти грубо закрыл коробок и сунул его мне в руку. Пальцы у него были ледяные. — Убери. Убери и никому не показывай. Слышишь? Никому.

— Лукас, что…

— Эшби. — Он облизнул губы. Оглянулся на стол профессора Холт: та сидела, склонившись над своими бумагами, и, кажется, ничего не слышала. Лукас наклонился ко мне ближе. — Эшби — это по матери? Или по отцу?

— По маме. Отца я не знаю.

— А как её звали? Маму.

Это был очень странный вопрос. Очень странный, очень личный вопрос, который не задают человеку через час после знакомства. Но у Лукаса было такое лицо, что я ответила.

— Элла. Элла Эшби. А что?

— Элла, — повторил он. И прошептал ещё что-то одними губами, совсем беззвучно. Мне показалось, что это было другое имя, длиннее. — Она… она когда-нибудь говорила про Корвин? Про то, что училась здесь?

— Моя мама была швеёй. Из Лисбурга. Она никогда нигде не училась.

Лукас смотрел на меня ещё секунду. Потом выдохнул и опустил глаза.

— Да. Да, конечно. Прости. Я просто… Забудь. Это я так. Архивная болезнь. Начинаешь во всём видеть истории.

Но он не забыл. Я видела. Весь остаток вечера он молчал, работал быстрее, чем нужно, и дважды уронил книгу, которую сам же учил меня держать как котёнка. А когда часы в коридоре пробили без пятнадцати семь и профессор Холт вышла, буркнув «запри, Мэйбрук», он вдруг взял меня за рукав.

— Нора. Если ещё раз найдёшь такое… мотыльков… не выбрасывай. И приходи ко мне. Не к коменданту, не к старосте — ко мне. И никому не говори про маму. Особенно…

Железная дверь распахнулась.

Сквозняк пролетел по архиву, пламя в закрытых лампах качнулось, и на пороге появился Кассиан Эсмонд. В чёрном, с серебряным вороном на воротнике, с таким лицом, будто он пришёл сюда арестовывать.

Он увидел нас. Увидел руку Лукаса у меня на рукаве. Что-то мелькнуло у него в глазах — так быстро, что я не успела понять, что это было.

— Мэйбрук. Нам нужно поговорить. Сейчас.

Потом его взгляд остановился на мне. Медленный, холодный, серый.

— Мисс Эшби. Вы и здесь.Лукас отпустил мой рукав. И я увидела, что у него дрожат пальцы.

Глава 3. Архив

Они вышли в коридор, и Кассиан прикрыл за собой железную дверь. Не до конца. Между дверью и косяком осталась щель — в палец шириной.

Я знала, что подслушивать нехорошо. Тётя Агнесса двенадцать лет объясняла мне, что приличные девушки не стоят под дверями. Но тётя Агнесса была далеко, в Лисбурге, а щель была тут, в трёх шагах. И Лукас, уходя, посмотрел на меня так, будто прощался.

Я взяла со стола стопку карточек выдачи, подошла к стеллажу у самой двери и сделала вид, что сортирую их по алфавиту. Очень старательно. С таким усердием я не сортировала даже пуговицы в коробке у тёти.

Сначала было тихо. Потом голос Лукаса — быстрый, сбивчивый, на полтона выше, чем обычно:

— …видел её лицо? Ты же видел. Ты же сам читал, Кассиан, ты мне говорил…

— Тише.

Голос Кассиана я узнала бы теперь где угодно. Ровный, прохладный, без единой трещины. Как лёд на пруду, по которому страшно идти, потому что не знаешь, где он тонкий.

— Ты обещал молчать, — продолжил он. — Хотя бы до тех пор, пока мы не будем уверены.

— Я уверен!

— Ты уверен, потому что хочешь быть уверенным. Это разные вещи.

— Нет. — Лукас почти всхлипнул. — Нет, послушай. Я проверил реестр. Я проверил хранилище. Там не то, Кассиан. Там не то, что должно быть. И если ты не пойдёшь со мной, я пойду сам. Я знаю, кому можно сказать.

— Здесь никому нельзя.

Пауза. Такая длинная, что я успела переложить одну и ту же карточку три раза — с буквы «Б» на «В» и обратно.

— Никому, Лукас, — повторил Кассиан, и в его голосе впервые что-то дрогнуло. Не громкость. Что-то под ней. — Ты понял меня? Ни-ко-му. Ты не знаешь, кто из них…

Дальше было неразборчиво: шаги, шорох плаща, как будто кто-то кого-то взял за плечо. Потом шаги стали удаляться — одни, уверенные, гулкие. Кассиан ушёл.

Я отпрыгнула от двери и плюхнулась на стул так быстро, что чуть не опрокинула чернильницу. Когда Лукас вернулся, я сидела, склонившись над карточками, и выводила на одной слово «Бальзамирование» с таким видом, будто от этого зависела моя жизнь.

Лукас постоял на пороге. Снял очки, протёр их полой мантии, надел обратно.

— Всё в порядке? — спросила я, не поднимая головы.

— Да. Да, конечно. Учебные дела. Кассиан… он староста, ему вечно что-то нужно. — Он улыбнулся, но улыбка была кривая, как будто её нарисовали неумелой рукой. — Иди,

Нора. Уже семь. Я сам запру.

Я пошла. На лестнице я обернулась. Лукас стоял посреди архива, один среди стеллажей, и смотрел на решётку особого хранения.

***

Следующая неделя была самой странной в моей жизни. А у меня, на минуточку, была довольно странная жизнь.

Во-первых, я училась. Это оказалось сложнее, чем я думала. На алхимии у меня трижды сворачивалось зелье, и профессор Брэкстон, круглый и усатый, как морж, сказал, что первый раз видит такую удивительную… Ладно. Неважно, что он сказал. Он долго подбирал слово, и это было хуже любого слова. Судя по его лицу, подбирает до сих пор. На истории домов я выучила наизусть все пять гербов, все пять девизов и все двадцать три имени основателей. Шестого среди них не было. Я проверила. Дважды.

Во-вторых, Селеста. После истории с супом она больше не подставляла мне ног. Она делала хуже: она меня не замечала. Совсем. Когда я проходила мимо, она замолкала на полуслове и ждала, пока я пройду, а потом продолжала, как будто мимо проплыло облачко пыли. Её подружки делали так же. Через три дня так делала половина второго курса.

Я считала их. Двадцать шесть человек, которые смотрели сквозь меня. Двадцать семь в среду.

В-третьих, Лукас. Он со мной почти не разговаривал. Понедельник, среда, пятница — с четырёх до семи мы сидели в

одном архиве, в трёх метрах друг от друга, и он молчал. Не грубо — Лукас, по-моему, вообще не умел грубо, — а будто боялся, что если откроет рот, оттуда вылетит что-то, что потом не поймаешь. Пару раз я ловила его взгляд. Каждый раз он отворачивался первым и хватался за очки.

И в-четвёртых — Кассиан Эсмонд.

Он был везде.

Ну то есть не везде. Но слишком часто. В библиотеке, когда я искала учебник по истории домов, он сидел через два стола и читал, и ни разу за час не перевернул страницу. Во дворе, когда мы с Милой ели яблоки на скамейке, он стоял в галерее над нами, опираясь на перила, и смотрел — не на нас, нет, куда-то в сторону, но каждый раз, когда я поднимала голову, он оказывался в том же месте. В коридоре у алхимической лаборатории. На лестнице. У дверей столовой.

— Он на тебя смотрит, — шепнула Мила в четверг, на обеде.

— Он на всех смотрит. Он староста. Это у них, видимо, работа такая — смотреть.

— Нет. — Мила облизала ложку и ткнула ей в сторону стола Эсмондов. — На всех он смотрит вот так, — она сделала скучающее лицо с поджатыми губами, очень похоже, — а на тебя вот так. — И уставилась на меня в упор, не мигая, как сова на мышь.

— Это одно и то же лицо.

— Это совершенно разные лица, Нора! Ты что, слепая?

В пятницу я не выдержала.

Это было после ужина. Я шла к себе в башню через крытую галерею вдоль восточной стены — короткая дорога, Мила показала. Фонари там горели через один, и от колонн на пол ложились длинные полосатые тени. Я услышала шаги позади. Не громкие. Ровные, неторопливые, в одном и том же ритме. Я остановилась. Шаги остановились тоже.

Я развернулась.

Он стоял у колонны шагах в десяти, в чёрном, руки за спиной. Свет от фонаря падал ему на лицо так, что одна половина была золотая, а вторая тонула в темноте.

— Вы за мной следите? — Я старалась, чтобы голос не дрожал. Голос, конечно, дрожал.

— Я староста. — Он даже не попытался сделать вид, что удивлён. — Я слежу за теми, кто нарушает правила.

— И какое правило я нарушаю?

— Эта галерея принадлежит дому Эсмонд. Посторонним после ужина здесь не ходят.

— Мне никто не сказал.

— Теперь сказал я.

Он сделал шаг ко мне. Потом ещё один. Не угрожающе — скорее так, как подходят к птице, которую боятся вспугнуть. Остановился в двух шагах. Вблизи было видно, что под глазами у него тени, как будто он тоже не спал неделю. И снова этот запах — мороз и горький кофе. Я начала подозревать, что Эсмонды не потеют, а слегка индевеют.

— Мисс Эшби. — Он говорил тихо. — Держитесь подальше от Мэйбрука.

Я моргнула. Чего угодно я ожидала, но не этого.

— Что?

— От Лукаса Мэйбрука. Не задерживайтесь в архиве после семи. Не разговаривайте с ним наедине. Не… — Он замолчал, будто сам себя оборвал. — Просто держитесь подальше.

— Почему?

— Потому что я вас прошу.

— Вы меня не просите. — Во мне снова щёлкнул тот самый замок, как тогда, в столовой. — Вы мне приказываете. Как будто я ваша собственность. Как будто я тут… стул, который поставили не туда. Лукас — единственный человек в этом колледже, кроме Милы, который со мной нормально разговаривает. И вы хотите, чтобы я держалась от него подальше? Почему? Потому что вы с ним поссорились?

Он замер.

И я поняла, что проболталась. Секунды на три позже, чем надо было.

— Вы слышали, — произнёс он. Не вопрос.

Я сжала губы.

Кассиан смотрел на меня долго. В его глазах было что-то, чего я не могла прочитать, — как текст, написанный слишком мелким почерком. Потом он вдруг протянул руку, будто хотел дотронуться до моего плеча, — и остановил её в воз-

духе, в сантиметре от ткани. Пальцы чуть дрогнули. Он опустил руку.

— Галерея закрыта для посторонних, мисс Эшби, — повторил он ровно. — Доброй ночи.

И ушёл в темноту между колоннами, а я стояла и слушала, как затихают его шаги, и сердце у меня стучало так, будто я пробежала все сто сорок восемь ступенек разом.

Ненавижу его, решила я тогда. Официально. Окончательно.

Я была очень, очень наивной.

***

Записку я нашла в понедельник.

Она лежала в «Истории домов Корвина», третий том, — в книге, которую Лукас попросил меня расставить по полкам. Сложенный вчетверо листок между страницами сто двенадцать и сто тринадцать. Я бы его и не заметила, если бы книга не раскрылась сама, прямо у меня в руках, именно на этом месте.

Почерк был Лукаса — мелкий, с наклоном влево, с завитушкой у буквы «д».

Вторник. Десять вечера. Архив.

Возьми с собой старый журнал выдачи — тот, что я дал тебе переписать. Он мне нужен.

Я должен тебе кое-что показать. Про твою маму.

Никому. Особенно К.

Прости, что молчал. Л.

Я перечитала записку четыре раза. Потом оглянулась. Лукас сидел за своим столом в дальнем конце архива и работал, склонившись над какой-то папкой так низко, что почти касался её носом. На меня он не смотрел. Профессор Холт ушла на педсовет.

Я сложила записку и спрятала её в чулок. Это единственное место, где мне никогда ничего не находили, даже тётя.

Про твою маму.

Моя мама была швеёй из Лисбурга. Она шила свадебные платья и чинила рукава у рубашек. Она пела мне песню без слов. Она умерла, когда мне было пять, от лихорадки, за три дня. Это всё, что было про мою маму. Всё. Больше ничего не было.

Тогда почему у меня тряслись руки?

***

Вторник тянулся, как ириска.

Миле я ничего не рассказывала. Хотела. Раза три. Но каждый раз вспоминала записку: «Никому». И молчала. Мила, кажется, всё равно что-то почуяла — она весь день косилась на меня и наконец спросила за ужином, не заболела ли я.

— Голова болит, — соврала я. — Лягу пораньше.

— Хочешь, я тебе мятного чаю принесу? У меня есть, мама положила целую банку. Она считает, что мята лечит всё, включая разбитое сердце и переломы.

— Не надо. Я просто посплю.

Отбой в Корвине был в десять. В половине десятого мадам

Корр прошла по этажам, звеня своими ключами, и заглянула в каждую дверь. В мою тоже: я лежала в кровати одетая, натянув одеяло до подбородка, и очень правдоподобно сопела. Когда её шаги затихли где-то внизу, я выждала ещё десять минут. Потом надела ботинки, сунула под мышку старый журнал выдачи и выскользнула за дверь.

Сто сорок восемь ступенек вниз в темноте — это совсем не то же самое, что сто сорок восемь ступенек вверх при свете. Я считала их шёпотом и держалась за стену. На этаже Тресс за одной из дверей кто-то храпел — очень громко, совсем не по-девичьи. Я прокралась мимо Милиной комнаты, затаив дыхание.

Двор. Галерея — не та, что у Эсмондов, а другая, общая. Боковой вход в библиотеку, который, как говорила Мила, никогда не запирают, потому что у него сломан замок, а Тресс уже лет пять обещают его починить и всё забывают.

Читальный зал ночью был огромным. Днём я не замечала, какой он высокий. Сейчас полки уходили вверх, в темноту, как утёсы, а лунный свет из окон ложился на столы белыми квадратами. Ни души. Только часы где-то в глубине тикали, громко и медленно, будто кто-то стучал пальцем по крышке гроба.

Ну спасибо, воображение. Ты мне очень помогаешь.

Без пяти десять я спустилась по лестнице в подвал.

В коридоре со сводами было темно. Только в конце, под дверью архива, светилась тонкая полоска. Значит, Лукас уже

там. Я выдохнула — оказывается, я всё это время почти не дышала — и пошла на свет.

Дверь была приоткрыта.

Это было первое, что мне не понравилось. Лукас всегда закрывал дверь. Всегда. Он говорил, что сквозняки вредят бумаге, и даже днём, когда мы оба были внутри, железная дверь оставалась закрытой.

Вторым был холод.

Из щели тянуло холодом — не подвальной сыростью, к которой я уже привыкла, а другим. Сухим. Колючим. Таким, какой был тогда, в зале, когда я положила ладонь на колоду. У меня заныли зубы — все сразу, как от ледяной воды.

А третьим был запах.

Пахло воском. Горелым воском, как от свечи, которую задули слишком резко, — сладковато, душно, с привкусом дыма. Этот запах висел в коридоре плотно, как туман в ущелье.

— Лукас? — Я толкнула дверь. — Лукас, это я. Я принесла журнал.

Дверь открылась беззвучно. Внутри было почти темно. Светилась только одна лампа — та, что стояла у самой решётки особого хранения, на маленьком столе, за которым Лукас обычно разбирал старые реестры. Остальные лампы погасли. Все до одной. Я видела их чёрные стеклянные колпаки на столах и стеллажах, и над некоторыми ещё поднимались тонкие струйки дыма.

Лукас сидел за столом у решётки.

Он сидел, опустив голову на скрещённые руки, как будто заснул над книгами. Я видела рыжеватый затылок, плечи в мантии, локоть, лежащий на раскрытой папке.

— Лукас, — повторила я, и это прозвучало глупо и тонко. — Ты что, спишь? Ты же сам сказал в десять…

Он не пошевелился.

Я шла к нему, и это было как во сне, когда идёшь и идёшь, а до цели всё так же далеко. Двадцать шагов. Я считала. Конечно, я считала. Десять. Пятнадцать. На восемнадцатом я увидела его руку.

Она лежала на столе ладонью вверх. Пальцы были серые. Не бледные — именно серые, как пепел, как старая бумага, которая пролежала в подвале сто лет. Кожа на них была сухая, вся в мелких трещинках, и казалось, что если её тронуть, она рассыплется.

— Лукас.

Девятнадцать. Двадцать.

Я дотронулась до его плеча. Он был холодный. Не как человек, который замёрз. Как камень. Как перила зимой. Как колода.

От моего прикосновения он медленно, очень медленно сполз набок, и его голова соскользнула с рук.

Я не закричала. Я потом много раз думала, почему я не закричала. Наверное, потому что крик застрял где-то между горлом и грудью и не смог выбраться — как птица в слишком узкой трубе.

Его глаза были открыты.

Лицо было такое же серое, как пальцы, с запавшими щеками, будто из него что-то вытянули — всё сразу, до дна, как вытягивают воду из колодца. Губы синие. Волосы на висках стали белыми — совершенно белыми, как у старика. Очки съехали на одно ухо. А глаза смотрели в потолок, широко, удивлённо, как будто в последнюю секунду он увидел что-то, во что не мог поверить.

Лукасу Мэйбруку было девятнадцать лет. Он учил меня держать книги как котёнка.

Журнал выдачи выскользнул у меня из-под мышки и шлёпнулся на пол. Я даже не услышала. Запах воска забил горло, сладкий и плотный, как вата, и меня замутило — так, что пришлось вцепиться в край стеллажа.

Я смотрела на его левую руку. Ту, что была под головой. Теперь, когда он сполз, она лежала на краю стола, и пальцы были сжаты в кулак. Неплотно. Между ними что-то торчало.

Край карты.

Я не хотела смотреть. Правда не хотела. Но я наклонилась — и увидела.

Это была гербовая карта. Старая, с потемневшими краями, как те, в колоде на постаменте. Только рисунок был другой. Не ворон, не змея, не лиса, не ключ, не волк.

На карте был мотылёк.

Серебряный мотылёк на чёрном поле, с распахнутыми крыльями. И на крыльях — два тёмных пятна, похожих на

открытые глаза.

Точно такой же, как на моей подушке. Точно такой же, как на крышке моего медальона.

Шестой.

Я отступила. Один шаг, второй. Наткнулась спиной на стеллаж, и что-то упало с полки мне под ноги. Я не стала смотреть что. В голове было пусто и звонко, как в колоколе, и единственная мысль, которая в этой пустоте металась, была совершенно дурацкая: надо посчитать. Надо что-нибудь посчитать. Лампы. Стеллажи. Хоть что-нибудь.

Одна лампа горит. Девять погасли. Один мёртвый…

Позади скрипнула дверь.

Я обернулась так резко, что хрустнула шея.

На пороге архива стоял Кассиан Эсмонд.

Он тяжело дышал, как будто бежал всю дорогу от своей галереи, и волосы у него были растрёпаны — я впервые видела их растрёпанными. Мантия расстёгнута. В руке — погасший фонарь.

Он посмотрел на Лукаса.

И я увидела, как с его лица уходит всё. Холод, вежливость, высокомерие, лёд на пруду — всё это треснуло и осыпалось за одну секунду, и под ним оказалось лицо мальчишки, которому только что сказали самое страшное, что можно сказать.

Потом он перевёл взгляд на карту в руке Лукаса.

Потом — на меня.

Я стояла у стеллажа, одна, ночью, в запертом после отбоя

архиве, над мёртвым телом. С журналом выдачи у ног. И с серебряным мотыльком на цепочке у горла.

— Это не я, — прошептала я. Голос не слушался. — Кассиан, это не я. Я пришла, а он уже…

Кассиан смотрел на меня, и лицо у него снова закрывалось — медленно, как тяжёлая дверь.

— Я знаю, — ответил он.

И это было страшнее всего.

Потому что откуда — откуда он мог это знать?

Глава 4. Подозреваемый номер один

Кассиан пришёл в себя быстрее, чем я.

Он поставил погасший фонарь на пол — аккуратно, без звука, — и подошёл к столу. Не ко мне. К Лукасу. Присел рядом, прижал два пальца к его шее, подержал. Я видела, как дёрнулся у него кадык.

Потом он протянул руку и закрыл Лукасу глаза.

Это было так просто. Одно движение ладонью, сверху вниз, — и Лукас перестал смотреть в потолок с этим ужасным удивлением. Стал просто серым мальчиком, который заснул над книгами. Я почему-то думала, что это делают только в романах. Оказывается, нет.

— Не подходите, — бросил Кассиан, не оборачиваясь. — Стойте там, где стоите. Ничего не трогайте.

— Я и не…

— Тише. Мне нужно…

Он не договорил. Положил ладонь на стол рядом с рукой Лукаса — плашмя, растопырив пальцы, — и замер.

Я уже видела такое. На платформе, две недели назад, когда он держал мой медальон. Зрачки расширились, затопили серое, лицо стало неподвижным и пустым, как у человека, который слушает музыку, слышную только ему. Только в

этот раз всё было по-другому. В этот раз он слушал — и ничего не слышал. Я видела это. Видела, как он хмурится, как напрягается спина, как пальцы вжимаются в дерево, будто он пытается продавить его насквозь.

Секунда. Пять. Десять.

Он отдёрнул руку так резко, словно стол был раскалённым. Пошатнулся, ухватился за край решётки. Из носа у него медленно поползла тонкая тёмная струйка.

— У вас кровь, — прошептала я.

Он провёл тыльной стороной ладони под носом, посмотрел на красный след и вытер руку о мантию. Даже не поморщился.

— Пусто, — произнёс он хрипло. — Там пусто.

— Что пусто?

— Всё. — Он смотрел на стол, на руку Лукаса, на погасшие лампы. — Я Эсмонд. Вещи помнят, мисс Эшби. Стол помнит каждый локоть, который на него опирался. Пол помнит каждый шаг. Я могу взять в руки чашку и увидеть, кто из неё пил сто лет назад. А здесь… — Он покачал головой. — Здесь последний час выжжен. Начисто. Как будто кто-то взял и вырезал его ножницами. Я такого никогда не видел. Я даже не знал, что так бывает.

Выжжен. Начисто. Пусто.

— Как с моей дверью, — вырвалось у меня.

Он поднял голову.

— С какой дверью?

Я прикусила язык. Поздно. Опять. Мне определённо надо было научиться думать раньше, чем говорить, но, видимо, не сегодня.

— Ни с какой.

— Мисс Эшби.

— Мне подкинули мотылька, — выпалила я. — В первую ночь. На подушку. Дверь была заперта, а Мила сказала… Мила проверила замок. Там был кто-то третий. Без следа. Без ничего. Как будто дверь открыла пустота.

Кассиан смотрел на меня очень долго. Потом перевёл взгляд на кулак Лукаса, на край карты, торчащий между серыми пальцами. На серебряного мотылька с глазами на крыльях.

— Вы сказали — «Кассиан, это не я». — Он медленно выпрямился. — А я ответил, что знаю. И вы теперь думаете, откуда я знаю.

— Да, — хрипло ответила я. — Да, я думаю об этом. Очень. Прямо сейчас.

— Он мёртв больше часа. Он холодный. — Кассиан произносил это ровно, как будто отвечал урок, но голос всё равно где-то на самом дне ломался. — А час назад вы лежали в кровати под одеялом и делали вид, что спите. Без пяти десять вы вышли из Северной башни с журналом под мышкой. Прошли через общую галерею. Вошли в библиотеку через боковую дверь со сломанным замком. Я потерял вас в читальном зале. А когда спустился в коридор, у меня погас фо-

нарь.

Я смотрела на него. В голове было так пусто и звонко, что я, кажется, слышала, как в ней гуляет эхо.

— Вы стояли под моей башней, — проговорила я медленно. — Ночью. И ждали. Вы за мной следили.

— Да.

Он даже не стал отпираться. Просто «да». Как будто я спросила, который час.

— Зачем?!

Кассиан открыл рот — и закрыл. Отвернулся. Посмотрел на Лукаса, и что-то в его лице опять поехало, как лёд весной.

— Сейчас это неважно.

— Это очень важно! Это, знаете ли, самое важное, что…

— Мисс Эшби. — Он повернулся ко мне, и я осеклась. — Через пять минут здесь будет полколледжа. Ректор. Холт. Стража. Лекарь. Вас будут спрашивать, что вы здесь делали и что видели. Говорите правду. Почти всю.

— Почти?

— Вы не видели карту.

Я уставилась на него.

— Я видела карту.

— Нет. — Он шагнул ко мне, и теперь между нами было не больше шага. Тени под его глазами в свете единственной лампы казались синяками. От него пахло морозом и — совсем чуть-чуть — кровью. — Вы не видели карту. Вы испугались, вы смотрели на его лицо, вы ничего больше не заме-

тили. Вы понимаете, что будет, если вы скажете ректору, что в руке у мёртвого студента был мотылёк? А у вас на шее — такой же? Пустая стипендиатка, в которой не проснулся дар. Ночью. Одна. Над телом.

Я машинально схватилась за медальон. Серебро было ледяным.

— Вас исключат к утру, — закончил Кассиан тихо. — Это в лучшем случае.

— А в худшем?

Он не ответил. Прошёл мимо меня в коридор, и через секунду я услышала, как он дёргает за что-то, и где-то наверху, над нашими головами, над библиотекой, над всем спящим Корвином, тяжело и гулко ударил колокол.

***

Полколледжа — это было преувеличение. Пришли человек десять. Но мне показалось, что сто.

Первым прибежал ночной сторож — старый Бартоломью, хромой, с фонарём в одной руке и дубинкой в другой. Он увидел Лукаса, охнул, уронил дубинку и, кажется, впервые за много лет вспомнил, как креститься.

Потом пришла профессор Холт.

Она была в длинном сером халате, седые волосы, всегда стянутые в пучок, теперь висели по плечам, и от этого она казалась старше и меньше. Она остановилась на пороге архива, увидела стол у решётки — и издала звук. Не крик, не всхлип. Что-то среднее, как будто из неё выдавили воздух.

— Нет, — прошептала она. — Нет. Нет-нет-нет. Только не снова.

Снова?

Я посмотрела на Кассиана. Кассиан смотрел на Холт. Профессор вцепилась в дверной косяк обеими руками, и я видела, как у неё побелели костяшки.

— Профессор, — осторожно начал Кассиан. — Что значит — снова?

Холт моргнула. Медленно повернула к нему голову. В её глазах было что-то совершенно потерянное, детское.

— Что? — переспросила она. — Что я сказала?

— Вы сказали «только не снова».

Она смотрела на него, и лицо у неё было такое, будто она сунула руку в карман за ключами, а там — дыра.

— Не знаю, — ответила она наконец. — Не знаю, зачем я это сказала. Я… Мальчик мой. Лукас. Господи.

И отвернулась к стене.

Потом пришла лекарь, доктор Вос, маленькая и решительная, в чепце, с саквояжем. Она прогнала нас всех от стола, долго осматривала Лукаса, светила ему в глаза, трогала серые пальцы и белые виски, и с каждой минутой лицо у неё становилось всё более растерянным. Потом пришли ещё двое стражников в серых куртках. А потом в коридоре раздались тяжёлые шаги, и все замолчали.

Ректор Грейвз был в пальто, накинутом прямо на ночную рубашку. Седая борода всклокочена. Но шёл он так же пря-

мо, как в ночь Выбора, и все расступались перед ним без единого слова — как перед Кассианом на платформе.

Он подошёл к столу. Посмотрел на Лукаса. Потом на доктора Вос, которая что-то быстро зашептала ему на ухо. Потом его взгляд скользнул вниз — к кулаку Лукаса.

Я видела, как он увидел карту.

Это длилось полсекунды. Не больше. Ректор Грейвз не вздрогнул, не изменился в лице. Он просто чуть-чуть, совсем немного, задержал дыхание — как человек, который наступил на гвоздь и не хочет, чтобы окружающие заметили. Потом он достал из кармана пальто платок. Наклонился над Лукасом, будто поправляя ему мантию на плече. Выпрямился.

Края карты между серыми пальцами больше не было.

Платок исчез обратно в карман.

Я посмотрела на Кассиана. Он стоял у стеллажа, скрестив руки на груди, и тоже смотрел на ректора. Потом медленно перевёл взгляд на меня. Ничего не сказал. Ему и не надо было.

— Кто нашёл тело? — Голос у ректора был спокойный, ровный, но очень усталый.

— Я, — отозвалась я. Получилось хрипло. Я прокашлялась. — Я, господин ректор.

Все головы повернулись ко мне. Как в ночь Выбора. Ну вот, опять.

— Мисс Эшби. — Ректор смотрел на меня поверх очков.

— После отбоя. В закрытом архиве.

— И я, — спокойно добавил Кассиан. — Я пришёл через минуту после мисс Эшби.

— Мистер Эсмонд. — Брови ректора поднялись. — Тоже после отбоя.

— Я староста, господин ректор. Я обходил галереи.

— В подвале библиотеки.

— Я увидел свет.

Ректор смотрел на Кассиана долго. Потом вздохнул и потёр переносицу.

— Ко мне в кабинет, — бросил он. — Оба. Профессор Холт, вы тоже. Остальные… Доктор Вос, займитесь мальчиком. Бартоломью, заприте архив. Никого не впускать. Никого, вы слышите? До моего распоряжения.

***

В коридоре нас догнал профессор Сейр.

Он бежал — я поняла это по тому, как он дышал, тяжело, с присвистом, и по тому, что сюртук у него был застёгнут не на те пуговицы. Перчатки, правда, на месте. Серые. Он всегда был в них, даже среди ночи.

— Мисс Эшби! — Он схватил меня за плечи и заглянул в лицо. — Мне сказали… Вы целы? С вами всё в порядке?

— Я… да. Наверное. Не знаю.

Я и правда не знала. Меня трясло — только сейчас, оказывается, начало трясти, когда всё уже кончилось, — и зубы стучали так, что я прикусила язык. Сейр, не говоря ни сло-

ва, стянул с себя сюртук и набросил мне на плечи. Сюртук был тёплый и пах табаком, старой бумагой и чем-то сладковатым, как остывший свечной воск. Меня трясло так, что я ничего не заметила. Тогда — ничего.

— Я куратор первого курса, Октавиан, — твёрдо сообщил он ректору, когда тот обернулся. — Если вы собираетесь допрашивать мою студентку посреди ночи, я буду присутствовать.

Ректор посмотрел на него, потом на меня, потом махнул рукой.

— Как угодно, Адриан.

***

Кабинет ректора был в главной башне, под самыми часами. Огромный, тёмный, весь в книжных шкафах, с камином, в котором едва тлели угли, и с портретами прежних ректоров на стенах. Один из них, седой старик с вороньим профилем, был ужасно похож на Кассиана. Наверное, тот самый дед. Только старше лет на шестьдесят и, судя по выражению лица, с той же фамильной привычкой никому никогда не извиняться.

Меня допрашивали первой. Кассиана оставили в приёмной, и я слышала, как он ходит там из угла в угол.

Я говорила правду. Почти всю.

Лукас попросил меня принести старый журнал выдачи — да, после отбоя, да, я знала, что это запрещено. Нет, я не знаю, зачем он ему понадобился ночью. Да, мы работали

вместе. Нет, мы не ссорились. Нет, я никого не видела в коридоре. Дверь была открыта. Лампы погасли. Он сидел за столом. Я подумала, что он спит. Я тронула его за плечо.

Про записку я не сказала. Записка лежала у меня в чулке и жгла кожу, как уголёк. «Про твою маму». Я не знала, почему не сказала. Наверное, потому что «никому». Потому что Лукас просил. Потому что это было последнее, о чём он меня просил.

— Мисс Эшби. — Ректор сидел за столом, сплетя пальцы. — Вы видели что-нибудь у него в руках?

Я почувствовала, как в комнате стало тихо. Профессор Холт у окна перестала теребить пояс халата. Сейр в кресле у камина чуть подался вперёд.

«Вы не видели карту».

— Нет, — ответила я. — Я смотрела на его лицо. Я больше ничего не заметила.

Ректор Грейвз медленно откинулся на спинку кресла. Плечи у него опустились, совсем чуть-чуть. Как у человека, который долго держал тяжёлый мешок и наконец поставил его на пол.

— Хорошо, — проговорил он. — Хорошо. Доктор Вос считает, что у мальчика было слабое сердце. Врождённый порок. Так бывает. Редко, но бывает. Внезапная остановка.

Слабое сердце. Серые пальцы. Белые виски. Лицо, из которого вытянули всё до дна.

Я посмотрела на профессора Холт. Холт смотрела в окно,

в темноту, и по её щеке медленно ползла слеза. Она её не вытирала. Кажется, даже не замечала.

— Мне нужно идти, — вдруг произнёс Сейр и поднялся из кресла. — Простите, Октавиан. Кто-то должен написать Мэйбрукам. Сегодня. Сейчас. Нельзя, чтобы они узнали из газет. Я возьму это на себя.

— Утром, Адриан. Ночь на дворе.

— Утром будет поздно. Слухи здесь бегут быстрее почты. — Он повернулся ко мне и мягко коснулся моего плеча рукой в перчатке. — Оставьте сюртук себе, мисс Эшби. Вернёте потом. И постарайтесь поспать. Хотя бы немного.

И вышел.

Меня отпустили через полчаса. Кассиана позвали следом, и, когда мы разминулись в дверях, он даже не посмотрел на меня. Только на секунду, проходя мимо, чуть наклонил голову — так, что со стороны это можно было принять за что угодно. Я решила принять это за «молодец».

Профессор Холт проводила меня до Северной башни. Всю дорогу она молчала. А у самого входа вдруг остановилась, взяла меня за подбородок сухими холодными пальцами и повернула моё лицо к фонарю.

— Ты так на неё похожа, — прошептала она. — Если бы я только помнила, на кого.

Отпустила. И ушла в темноту, шаркая домашними туфлями по камням.

***

Утром о Лукасе знали все.

Ректор объявил за завтраком — коротко, сухо, стоя у постамента, где две недели назад лежала колода. Лукас Мэйбрук, четвёртый курс. Скончался ночью. Слабое сердце. Колледж скорбит. Занятия продолжаются. Минута молчания.

Минута молчания в главном зале Корвина длилась вечность. Я считала свечи на стенах, а свечи были те же самые: сорок две справа, сорок одна слева. Ничего не изменилось. Лукаса больше не было, а свечей было столько же. Это казалось ужасно несправедливым, хотя я не могла бы объяснить почему.

Стол Мэйбруков молчал. Рыжий парень, который на лекции у Сейра спрашивал про перчатки, сидел, закрыв лицо руками. Две девочки рядом с ним плакали.

А потом с места поднялась Селеста Лаварр.

Она встала посреди минуты молчания, одна во всём зале, и пошла к выходу. Спина прямая, подбородок вверх, изумрудные серьги покачиваются. Шаги звонко цокали по каменному полу. Все смотрели на неё. Она ни на кого не смотрела.

Когда она проходила мимо стола Тресс, мимо меня, я увидела её руки.

Они дрожали. Так сильно, что она сжала их в кулаки, — но всё равно дрожали.

Двери за ней захлопнулись.

— Они встречались, — шепнула Мила мне в ухо. — Се-

леста и Лукас. Весь прошлый год. Расстались перед самыми каникулами, говорят, со скандалом.

Я смотрела на закрытые двери. Почему-то вспомнилась фраза из записки Лукаса — не та, про маму, а другая. «Прости, что молчал».

Сколько всего он не успел сказать? И кому?

— Нора. — Мила дёрнула меня за рукав. Голос у неё был обиженный и испуганный одновременно. — А теперь ты мне расскажешь, почему весь колледж говорит, что это ты его нашла. Ночью. Одна. И почему я узнаю об этом от рыжего Финна Мэйбрука, а не от тебя!

Весь колледж говорил.

Я обернулась. Мила была права. За столом Лаварр, за столом Холлинов, за столом Мэйбруков — на меня смотрели. Не сквозь меня, как всю прошлую неделю. Прямо на меня. Шёпот полз по залу, как холодный туман по ущелью, и я слышала его обрывки:

— …пустая…

— …одна, ночью, представляешь…

— …слабое сердце, как же…

— …с ней пришла смерть, я сразу сказала…

Последнее было голосом одной из подружек Селесты.

— Хватит.

Голос был негромкий, но за столом Лаварр вдруг стало тихо. Говорил парень на дальнем конце скамьи — высокий, смуглый, с короткими чёрными кудрями и запястьем, пере-

мотанным бинтом, как бывает у фехтовальщиков после тренировки. На меня он даже не посмотрел. Отломил кусок хлеба и проговорил с набитым ртом:

— Девчонка нашла мёртвого человека. Ночью. Одна. А вы её в убийцы записали, пока каша не остыла. Поешьте лучше. Полезнее будет.

Подружка Селесты фыркнула, но замолчала. Спорить с ним, похоже, никто не собирался.

— Саид Карим, — шепнула Мила, не дожидаясь вопроса. — Четвёртый курс, капитан фехтовальщиков. Южная ветвь Лаварр. Его все любят. Мэйбруки, Холлины, повара, даже ворон на воротах. Даже Селеста его побаивается, а она вообще никого не боится.

Я посмотрела на него ещё раз. Он почувствовал взгляд, поднял глаза и подмигнул — легко, как старой знакомой. Как будто ничего особенного не случилось и не случится никогда.

Я отвернулась так быстро, что чуть не опрокинула кружку. А Мила почему-то разглядывала его гораздо дольше, чем я.

Я положила ложку. Есть я всё равно не могла.

***

Я весь день провела, будто в стеклянном колпаке. Лекции, коридоры, взгляды — всё доносилось глухо, издалека. Мила ходила за мной хвостом и сердилась, что я ничего не рассказываю. Я рассказала ей почти всё. Без записки. И без карты.

Почти всю правду. Похоже, это теперь мой новый образ

жизни.

Вечером я поднималась к себе, и на последнем повороте лестницы, у самой двери, меня ждали.

Кассиан сидел на ступеньке, прислонившись спиной к стене, вытянув длинные ноги поперёк лестницы. Он выглядел так, будто не спал вообще. Наверное, так и было. При виде меня он не встал. Только поднял голову.

— Вы что тут делаете? — Я остановилась тремя ступеньками ниже. — Это башня Тресс. Посторонним здесь…

— Журнал, мисс Эшби, — перебил он.

— Что?

— Журнал выдачи. Который вы принесли Лукасу. Вы уронили его у стеллажа. Я видел его на полу, когда мы уходили к ректору.

— Ну и что?

— Утром Бартоломью отпер архив для доктора Вос и стражи. Всё было на своих местах. Тело. Лампы. Стол. — Кассиан смотрел мне в глаза снизу вверх, и это было ужасно непривычно — что он смотрит снизу вверх. — Журнала не было.

Я медленно опустилась на ступеньку. Ноги просто перестали держать.

— Но архив заперли. При нас. Бартоломью запер.

— Да.

— И никого не впускали. Ректор приказал.

— Да.

— Значит, кто-то вернулся туда, — прошептала я. — Ночью. Пока мы сидели в кабинете. Пока все думали, что это… что это просто сердце. Кто-то вернулся и забрал журнал.

— Да, — в третий раз ответил Кассиан. И добавил очень тихо: — И, судя по всему, у него был ключ.

Ключ. Как у того, кто открыл мою дверь.

Мы сидели на ступеньках Северной башни, в шаге друг от друга, и молчали. Где-то внизу смеялись девочки из Тресс. Где-то наверху ветер выл в трубе моего камина. За узким окном на лестнице темнело западное крыло, чёрное, без единого огонька, и над ним снова кружились бледные точки. Слишком рано для снега.

— Зачем вы мне это рассказываете? — с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.